

УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

*В преддверии Всероссийской научной конференции
«Российский опыт конструирования будущего»
(Ростов-на-Дону, 26-28 октября 2022), организованной
Южным федеральным университетом при участии
Московского государственного института культуры*

УТОПИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КУЛЬТУРЫ: ТЕОРИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

УДК 008(091)

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-53-62>

Т. С. Паниотова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
e-mail: tspaniotova@mail.ru

Аннотация: В статье дается краткий экскурс в историю формирования утопической традиции в российской культуре, которая включает как жанровые произведения, так и культурные тексты, не укладывающиеся в рамки жанра (народные легенды, политические трактаты, архитектурные проекты и т. п.). Прослеживаются этапы изучения утопии в нашей стране и за рубежом; объясняются причины взлета или падения исследовательского интереса к утопии в определенные периоды времени. Показано, что несогласие с выводом о «смерти утопии» выразилось в появлении многочисленных публикаций на тему утопии, организации конференций, собирающих на своих площадках исследователей со всего мира. Анализируются наиболее интересные проекты последних лет и актуальные направления утопических исследований. Среди них: взаимодействие утопии и антиутопии, соотношение утопического жанра и утопической интенции, утопической идеи и практики, российской и западноевропейской утопий. Может ли утопия превратиться в «критический инструмент» и участвовать в масштабных преобразованиях политических институтов и систем или ей суждено оставаться литературным жанром? Эти и многие другие проблемы обсуждались на научных кон-

ПАНИОТОВА ТАИСИЯ СЕРГЕЕВНА – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики Южного федерального университета

PANIOTOVA TAISIYA SERGEEVNA – DSc in Philosophy, Full Professor, Professor at the Department of Theory of Culture, Ethics, and Aesthetics, the Institute of Philosophy and Social and Political Sciences, the Southern Federal University

© Паниотова Т.С., 2022

ференциях в рамках развиваемого Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета научного направления «Утопические проекты в истории культуры».

Ключевые слова: утопия, утопические проекты, культура, утопический социализм, утопия в России.

Для цитирования: Паниотова Т.С. Утопическое измерение культуры: теория и социальные практики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 53-62. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-53-62>

UTOPIAN DIMENSION OF CULTURE: THEORY AND SOCIAL PRACTICES

Taisiya S. Paniotova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

e-mail: tspaniotova@mail.ru

Abstract: The paper gives a brief insight into the history of the utopian tradition in Russian culture. It includes both genre works and cultural texts that do not fit into the genre (folk legends, political treatises, architectural projects, etc.). The stages of studying utopia in our country and abroad are revealed; the reasons for the rise or fall of research interest to utopia in certain periods of time are explained. It is shown that the disagreement in the conclusion about the “death of utopia” was expressed in the appearance of numerous publications on utopia, the organization of conferences that gather researchers from all over the world. The most interesting projects of recent years and current directions of utopian studies are analyzed. Among them there are the interaction of utopia and dystopia, the correlation of utopian genre and utopian intention, utopian idea and practice, Russian and Western European utopias. Can utopia turn into a “critical tool” and participate in large-scale transformations of political institutions and systems, or is it destined to remain a literary genre? These and many other problems were discussed at scientific conferences within the framework of the scientific direction “Utopian projects in the History of Culture” developed by the Institute of Philosophy and Social and Political Sciences of the Southern Federal University.

Keywords: utopia, utopian projects, culture, utopian socialism, utopia in Russia.

For citation: Paniotova T.S. Utopian dimension of culture: theory and social practices. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 53-62. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-53-62>

Хотя термин «утопия» впервые появился в произведении Томаса Мора как обозначение идеального, а потому и недостижимого общества, мечта о лучшем мире родилась значительно раньше и была спутницей человечества на протяжении всей его истории. Как писал А. Свентоховский еще в начале XX века, «где только существуют нищета, несправедливость, страдание, – а существуют они всегда и везде, там должно проявиться также искание средств для искоренения причины зла» [11, с. 5]. Отсюда следует, что утопию можно понимать и шире – не только как литератур-

ный жанр или модель идеального общества, но и как некую утопическую интенцию, выражающую стремление к счастью, мечту о лучшем мире. Во все времена и в любой стране встречаются легенды о молочных реках, текущих в кисельных берегах, сказочных странах, скрытых «за морями, за долами», в которых нет ни царей, ни господ, и где люди живут долго и счастливо и т. д. Такими мирами богата русская народная культура – это легенды о Граде Китеже, о Беловодье; различные путешествия и хождения (Агапия – в рай, Зосимы – к рахманам). Воображаемые миры

обнаруживают себя в искусстве и религии, в мифах и праздниках, в поговорках и песнях. Мечты превращаются в факты реальной жизни, воплощаются в движения народного протеста, оформляются в лозунги, программы действий. Из всего этого складывается утопическая традиция, которая охватывает и формы народного утопизма, и литературные произведения, и политическую деятельность, образуя своеобразное измерение культуры.

Исследование утопий в содержательном плане и во взаимосвязи с социальной практикой позволило ученым воссоздать широкую панораму утопических поисков – как на уровне народного творчества, так и на основе специализированных текстов. На этом пути особенно преуспели литературоведы и историки. Если говорить о нашей стране, то следует вспомнить школу академика В. П. Волгина, создавшую в советский период солидную эмпирическую базу в виде опубликованных текстов социалистов-утопистов прошлого и аналитических работ по утопическому социализму. Разумеется, нельзя не отметить и ограниченность этой эмпирической базы: ее составили труды только тех авторов, которых можно было отнести к предшественникам научного социализма. Такой подход соответствовал традиции, заложенной Ф. Энгельсом в работе «Развитие социализма от утопии к науке». В русле этой традиции утопия рассматривалась исключительно как *донаучная форма знания*. Что же касается самих предшественников научного социализма, признавалось, что они гениально предвосхитили множество научных истин и черт будущего общества, однако были весьма далеки от правильного понимания путей и способов осуществления идеала. Социалистов-утопистов критиковали за оторванность от действительности и непонимание законов классовой борьбы.

В 1970-е годы к разработке проблем истории и теории *утопического социализма*, его связей с русским и европейским марксизмом и революционным движением подключились отечественные философы: А. И. Володин, Г. Г. Водолазов, В. А. Малинин, И. К. Пантин,

Е. Г. Плимак, В. Г. Хорос и др. Появились работы, посвященные природе утопического сознания (Э. Я. Баталов, А. И. Володин, Ч. С. Кирвель, И. Н. Неманов, В. П. Шестаков и др.). Основные дискуссии в это время велись о том, кто является родоначальником утопического социализма, каковы критерии «социалистического», в чем состоят особенности русского утопического социализма (революционного демократизма), какую роль он сыграл в возникновении марксизма в России. Резкой критике подвергались идеи об идейном родстве большевизма с бунтарством М. А. Бакунина, политикой заговора П. Н. Ткачева и практикой террора народовольцев.

Перестройка и последовавшая за ней «переоценка ценностей», падение Берлинской стены, «бархатные революции» в странах Восточной Европы, распад СССР перевели критику утопизма в иную плоскость. В утопии стали видеть «обветшалую идеологию», «спутницу тоталитаризма» и близкую родственницу марксизма-ленинизма. Прозвучал «реквием по утопии» [4]. Е. Л. Черткова назвала «приговором утопии» слова Ю. Н. Давыдова «В пределе это есть убийство, уничтожение, превращение в ничто всего, что используется при этом в качестве материала» [13, с. 167]. Так утопия в одно и то же время стала и «покойницей», по которой исполнялся реквием, и «убийцей», уничтожающей все живое, включая самого человека.

Анализируя эту ситуацию, испанский философ Ф. Аинса писал: «Хотя после 1989 г. стало привычным не доверять “снам разума” и попыткам давать готовые решения относительно скрытого завесой будущего, мы не можем согласиться с тем, чтобы именно сейчас, когда крайне необходимо представить возможность другого будущего и найти выход из давящего монотематического *impasse*, ... *единственное политически корректное мышление – утопический дискурс* (выделено мной, Т.П.) – был исключен из всяких дебатов» [1, с. 80]. Появившиеся в эти годы работы, которые давали, на наш взгляд, более взвешенную и объективную оценку утопии,

стали выражением этого несогласия. Среди них труды Э. Я. Баталова, В. А. Чаликовой, В. П. Шестакова и др.

Надо сказать, что и на Западе существовала определенная цикличность в изучении и оценках утопии. В 60–70-е гг. XX века здесь начинает складываться новое исследовательское направление *Utopian studies* (Исследования утопии). Массовые протестные движения в Европе и Америке, с одной стороны, и реалии «развитого социализма» – с другой, сыграли свою роль в создании двух международных организаций, объединивших усилия ученых, которые занимались изучением утопизма. В 1975 г. в Северной Америке появилось The Society for Utopian Studies (SUS), а в 1988 году группой британских ученых образовано Utopian Studies Society – Europe (USSE).

Нежелание принять «смерть утопии», согласиться с тем, что она не нужна и даже вредна, вылилось в ежегодное проведение научных конференций, собиравших на своих площадках исследователей со всего мира. Стали активно издаваться труды «гуру» утопии – Э. Блоха, Ф. Аинсы, Л. Сарджента, Е. Шацкого, Д. Сувина и др. Появились специализированный журнал *Utopian Studies* и информационный бюллетень *Utopus Discovered*, многочисленные материалы конференций со статьями известных ученых, смысл которых можно выразить словами Р. Якоби: «Спаси дух утопии, а не ее букву» [15, p.14].

С начала нового тысячелетия утопия на Западе становится еще более популярной. Немецкий философ П. Слотердаик в интервью 2000 г., отметив небывалый рост публикаций на тему утопии, задался вопросом: почему в недавнем прошлом «проблематичное понятие» сегодня обретает позитивную тональность, отождествляется с мечтой? Появляется своеобразная «мода на утопию», организуются художественные выставки: *Дух утопии* (2013) в Галерее Уайтчепел, Лондон; *«Утопия и за ее пределами»* (2016) в Центре современного искусства Кастелло Ди Ривара, Турин; *Пути к утопии* (2016), Королевский колледж, Лондон, и др.; строятся пятизвездочные го-

стиничные комплексы Utopia World; набирает популярность компьютерная игра «Мор. Утопия», и т. д. и т. п.

Среди успешных научных проектов последнего десятилетия можно назвать созданную учеными из Аргентины, Бразилии, Мексики и Испании Трансатлантическую сеть изучения утопий (2015). Группа HISTORIA под руководством Хуана Про из Автономного университета Мадрида последовательно реализовала серию исследовательских проектов: «История будущего: утопия и ее альтернативы в горизонтах ожидания современного мира (XIX–XXI вв.)» в 2016–2019 гг.; «Эмоциональные пространства: утопические места в современной истории» в 2019–2022 гг.; и в настоящее время осуществляется проект «Трансатлантические утопии: альтернативное воображение между Испанией и Америкой (XIX–XX вв.)».

Нельзя не сказать и о глобальном проекте португальских ученых *Utopia500*, созданном на волне подготовки XVII Международного конгресса Европейского общества исследователей утопии «500 лет утопий: мир идет туда, куда мы его ведем». Целью этого проекта стало продвижение утопических идей во всем мире как движущей силы социальных изменений и источника вдохновения для инновационных прорывов в науке и технике. Помимо популяризации идейного наследия утопистов прошлого проект охватил широкую палитру утопических исследований и практических акций. Среди них «Пан-топия», нацеленная на решение проблемы голода во всем мире; «Экотопия», связанная с защитой окружающей среды; «Утопический город Валонга», которому отводится роль площадки для реализации всевозможных утопических практик. Амбициозная программа мероприятий, посвященных юбилею, на протяжении всего 2016 года реализовывалась Католическим университетом Лувена (Бельгия) – города, где впервые была опубликована «Утопия» Т. Мора.

Огромный интерес к утопии наблюдается в Латинской Америке. В Бразилии журнал Re-

vista de estudios de cultura (REVEC) посвящает целый номер теме «Утопические и антиутопические проекции в истории», а аргентинский журнал *Revista Eslavia* – утопиям в России. В университете Буэнос-Айреса при кафедре славянской словесности создано и успешно функционирует общество Ф. М. Достоевского, проводятся конференции, посвященные утопии и ее деривациям.

Показательно, что последние конференции, проведенные Европейским Обществом исследователей утопии (USSE) и Обществом исследователей утопии (SUS), акцентировали внимание на практическом измерении утопии. Состоявшаяся в Брайтоне (Великобритания) в июле 2022 года конференция «Открытие утопии: новые направления в Utopian Studies» была посвящена радикальному утопическому мышлению и революционным практикам. Организаторы конференции, осознавая, что наше время «является переломным для утопистики», пытались дать ответ на вопрос о роли утопического мышления и практики в решении некоторых фундаментальных проблем нашего времени. «Наша цель, – говорилось в информационном письме конференции, – превратить концепцию утопии, ее долгую историю и споры, которые составляют эту историю, в настоящее». Ключевым понятием было выбрано центральное понятие философии утопии Эрнста Блоха «надежда».

Одна из самых цитируемых современных авторов Рут Левитас также трактует утопию как аналитический метод, связанный с воспитанием желания лучшего образа жизни. Этот метод, по мнению Левитас, позволит вернуть нас от мировоззренческих и эстетических взглядов на утопию в практическую сферу, когда утопия способна превратиться в «критический инструмент», позволяющий «расширить границы нынешних властных дискурсов» и участвовать в масштабных преобразованиях политических институтов и систем [16, p. xi].

На этом фоне более чем странными выглядят высказывания некоторых отечественных авторов о том, что «надо обратить внимание и на комичность (выделено

мной, – Т.П.) словосочетаний “актуальность утопии”, “реальное существование утопии” и даже “востребованность утопии обществом как социальной формы, наиболее ярко выражающей альтернативность истории”» [7, с. 110–111]. Желает того автор этого высказывания или нет, но многочисленные конгрессы, публикации, выставки и фестивали по обе стороны Атлантики свидетельствуют как раз об обратном: утопическая тематика сегодня актуальна, как никогда. Вот как пишет об этом известный философ, заслуженный деятель науки Г. В. Драч: «Пожалуй, нет сегодня более востребованного понятия, чем понятие “утопия”, к нему обращаются не только философы, культурологи и социологи, но и политики, писатели и публицисты. И понятно почему. С этим понятием связана оценка как прошлого, так и настоящего, сама суть происходящих событий не только в нашей стране, но и, так сказать, в мировом масштабе» [2, с. 7].

Более того, приходится констатировать, что С. Неретина явно не дружит с историческими фактами. В уже цитированной ранее публикации автор утверждает: «Почему республику Утопию сочли реальным прототипом коммунистического общества, ясно: оно было воплощено в жизнь» [7, с. 116]. Но *что* именно было воплощено в жизнь? Идеи Мора или коммунистическое общество? Насколько нам известно, ни то и ни другое. Далее из указанной статьи можно, узнать, что «числить Мора среди родоначальников *научного социализма* (выделено мной, – Т.П.) можно только с социалистических позиций...» [7, с. 124]. Общеизвестно, что родоначальниками научного коммунизма всегда и везде считались К. Маркс и Ф. Энгельс, но никак не английский канцлер. Наконец, Светлана Сергеевна ссылается на некоего Петра Мученика, сведения из книги которого «О Новом свете» частично послужили материалом для «Утопии». Церковной истории известны несколько Петров-Мучеников: Петр-Авессаломит из Палестины, Святой мученик Петр Алеут, прославленный Православной церковью в Америке, и Петр Веронский, инквизитор Ломбардии. Ни один

из них не имеет никакого отношения к сочинению «О Новом Свете». Авторство текста *Mundus Novus*, изданного на латыни в нескольких европейских городах в 1504 году, приписывается Америго Веспуччи, спутником которого – по версии Мора – и был Гитлодей «в трех последних странствиях из четырех, про которые уже все повсюду читают» [5, с. 119–120]. А вот автором «Декад Нового Света» (*De Orbe Novo Decades*), первая из которых увидела свет в 1511 году, был итальянец Пьетро Мартире д'Ангьера, известный в Испании под именем Педро Мάρтир де Англерия. Там он был членом Совета по делам Индии, а позднее стал королевским историографом. И с прочими мучениками Мάρтира де Англерия роднит разве что первая часть фамилии, если ее перевести на русский язык (*mártir* – исп. мученик). Только зачем это делать?

Свою лепту в защиту утопии и разработку ее современного понимания вносит Южный федеральный университет – организатор серии конференций под общим названием «Утопические проекты в истории культуры» [3; 8; 9; 10]. Начало было положено в 2016 году, когда была проведена первая Всероссийская (с международным участием) научная конференция, посвященная 500-й годовщине выхода в свет «Утопии» Томаса Мора. Как уже говорилось, в этот год многочисленные конгрессы, фестивали, симпозиумы собирали огромные аудитории практически на всех континентах. И на ростовской конференции было зарегистрировано свыше 100 заявок ученых из Великобритании, Австралии, Аргентины, Испании, Чешской Республики, Литвы, Молдавии, Узбекистана, а также – из различных городов Российской Федерации. Не меньший интерес вызвала и вторая конференция (2018) «Город Солнца: в поисках идеального локуса». Конференция была проведена в ознаменование 450-летия со дня рождения автора этого всемирно известного произведения. Следующая конференция (2020) «(Не)возможные миры: настоящее и будущее в зеркале антиутопии» по причине пандемии проходила в онлайн формате. Она была посвящена 100-летию

романа «Мы» Е. Замятина. С каждым разом география участников становилась все шире, а состав участников – более представительным. В двух из трех проведенных конференций «вживую» приняли участие Председатель Европейского общества исследователей утопии Грегори Клейс (Великобритания), а также профессора из Испании, Чехии и других стран. И, наконец, в этом году в смешанном онлайн и оффлайн формате пройдет IV конференция «Утопические проекты в истории культуры» на тему «Российский опыт конструирования будущего», соорганизатором которой является журнал «Вестник МГУКИ».

Все конференции задумывались как междисциплинарные, а потому в них приняли участие представители различных академических дисциплин: культурологи, философы, литературоведы, социологи, историки, политологи, искусствоведы и др. Акцент, сделанный на междисциплинарность, позволил преодолеть узко филологический подход, который долгие годы преобладал в утопических исследованиях. Стал доминировать анализ утопий и их разнообразных дериваций, выявление связи с порождающим их социокультурным контекстом, рассмотрение утопического наследия как депозитария оптимистических надежд и горьких разочарований. Ведь, как писал Ф. Аинса, «утопия и разочарование не противостоят, но взаимно поддерживают и корректируют друг друга, помогая в осуществлении своих моделей. Разочарование, корректируя утопию, усиливает ее основной элемент – надежду...» [1, с. 84].

Участники перечисленных конференций пытаются определить значение утопии для современного общества как механизма построения не только образов будущего, но и возможного настоящего. Утопия на деле способна стать настоящей лабораторией мысли и действия, в которой производятся мыслительные эксперименты с формами политической, экономической и социальной организации будущего. Такой подход вполне укладывается в исследовательское русло, проложенное много лет назад французским социологом

Раймоном Рюйе. В отличие от утопического жанра, который ограничивается созданием моделей «специфически организованного мира, предвидимого в мельчайших деталях», утопический метод – это «способность вообразить, модифицировать реальность с помощью гипотез, создавать порядок, отличный от реальности, что предполагает не отказ от реальности, а конкретизацию того, что “могло бы произойти”...» [17, p.9].

Так что же мы, отечественные ученые, можем предложить читателю в контексте новой парадигмы? Несмотря на наблюдаемый сегодня интерес к утопической проблематике, поддерживаемый в немалой степени и нашими усилиями, несмотря на немалое количество диссертаций, книг и статей, мы, к сожалению, уступаем западным исследователям в глубине погружения в тему и в широте научного дискурса. Трудно не согласиться с теми авторами, которые ранее писали, что наши исследователи слабо интегрированы в международную научную среду. Необходимо «более тесное взаимодействие российских исследователей утопии с зарубежными коллегами из “The Society for Utopian Studies” и “Utopian Studies Society”, участие в сериях конференций, проводимых этими организациями, а также осуществление публикаций в журнале “Utopia and Utopianism”» [6, с. 52]. Кто-то скажет, что в условиях санкций и «культуры отмены» последнее предложение не более чем «благое пожелание». Но, к счастью, это не совсем так: и ростовские ученые выступают с докладами на зарубежных конференциях, и иностранные коллеги участвуют в конференциях, организуемых нами.

Вызывает большую тревогу отсутствие фундаментальных работ по русской утопии. Они малочисленны, принадлежат преимущественно филологам и увидели свет в первое десятилетие нового тысячелетия. Как констатировал известный исследователь утопий В. П. Шестаков, «изучение русских утопий, по сути дела, только начинается. Здесь перед исследователями лежит большое поле деятельности. Еще недостаточно хорошо изучены те авторы русских утопий, тексты которых

сравнительно недавно стали доступны читателям. Большинство работ, посвященных этим утопическим произведениям, представляют их простой пересказ и носят описательный характер» [14, с. 8]. Таким образом, наиболее перспективным является перевод исследований утопии из области филологии, «в область культурологии, где больше возможностей анализировать этот предмет в историческом контексте. Такая “историзация” позволила бы возвратиться от общего академического теоретизирования к конкретным фактам возникновения утопий в России» [12, с. 39]. По сути, единственная культурологическая работа – это «Российские утопии: исторический путеводитель» Б. Ф. Егорова. Но и она, по мнению В. Шестакова, не вполне удовлетворительна в теоретическом и аналитическом отношении: «В современных работах об утопиях недостаточно пересказывать их сюжет... Необходим структурный анализ этих произведений, их сравнительно-типологическое исследование, изучение их связи с философскими и социальными течениями эпохи» [14, с. 9].

Но вернемся к предстоящей IV конференции «Утопические проекты в истории культуры» на тему «Российский опыт конструирования будущего». Эта конференция связана с тремя знаковыми событиями отечественной истории: 210 годовщиной со дня рождения основоположника русского крестьянского социализма А. И. Герцена, 100-летием образования СССР и 100-летием знаменитого «философского парохода». Эти, казалось бы, внешне не связанные между собой событийные даты объединяет общее смысловое поле: поиск лучшего будущего для России. Усомнившись после революций 1848–1850-х гг. в социалистических перспективах Западной Европы, А. И. Герцен обратил свой взор к России и увидел в крестьянской общине готовую ячейку социализма. Образование СССР стало частью самой великой утопии XX века (правда, не в герценовском варианте). В свою очередь, «философский пароход», бывший изгнанием (или бегством) российской интеллектуальной элиты из страны победившей утопии, дал тол-

чок рождению утопий «с того берега», авторов которых также крайне волновало будущее России. В тематике представленных докладов нашли отражение все три направления: заявлены доклады, посвященные взглядам Герцена на европейские социалистические теории, а также – предпосылкам политического утопизма русской радикальной интеллигенции и его влиянию на нравственную атмосферу российского общества конца XIX – начала XX века. Предполагается осветить утопические идеи в творчестве писателей-эмигрантов Г. Газданова и П. Н. Краснова; проанализировать утопические идеи в советском музыкальном авангарде, кинематографе, градостроительстве и архитектуре.

В завершение хотелось бы сказать, что, начиная с 2017 года, по итогам работы было издано 3 сборника материалов конференций¹

¹ См. об этом: Утопические проекты в истории культуры (к 500-летию «Утопии» Томаса Мора). Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования, 2017. 308 с.; Утопические проекты в истории культуры. Материалы II Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Утопические проекты в истории культуры» на тему «Город Солнца»: в поисках идеального локуса» (к 450-летию со дня рождения Томмазо Кампанеллы). Ростов

по итогам утопических проектов в истории культуры. В них, помимо тезисов участников, опубликованы развернутые статьи известных специалистов в области утопических исследований, в том числе, Ф. Аинсы (Испания), Г. Клейса (Великобритания), Р. Иглесиаса (Испания), Т. Батыр (Республика Молдова), Е. Чертковой, М. Кяровой, Л. Морщихиной, И. Тузовского, Д. Мартынова и др. Достойное место в этом ряду принадлежит представителям ростовской философско-культурологической школы – Г. В. Драчу, Т. С. Паниотовой, В. Д. Бакулову, Е. В. Золотухиной-Аболиной, М. А. Романенко и др.

Еще более значимым фактом в трансляции ценностей отечественной культуры, на наш взгляд, станет предварительная публикация лучших материалов, поданных для участия в нашей конференции, на страницах журнала «Вестник МГУКИ».

на-Дону–Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2019. 272 с.; Утопические проекты в истории культуры. Материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции на тему «(Не)возможные миры: настоящее и будущее в зеркале антиутопии» (к 100-летию романа «Мы» Замятина). Ростов-на-Дону–Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2021. 328 с.

Список литературы

1. Аинса Ф. Утопия: альтернативные модели и формы культурного самовыражения в Латинской Америке. Новые основы утопии «из» и «для» Латинской Америки // Латинская Америка. 2012. № 8. С. 77–88.
2. Драч Г.В. Предисловие // Паниотова Т.С. Утопические миры: избранные труды / отв. ред. и авт. предислов. Г.В. Драч. – Ростов-на-Дону – Таганрог: Изд-во Южного федерального университета. 2022. – 352 с.
3. Драч Г.В., Паниотова Т.С., Романенко М.А. В поисках идеального локуса (обзор научной конференции «Утопические проекты в истории культуры») // Вопросы философии. 2019. № 6. С. 214–218.
4. Малухин В. Реквием по утопии // Знамя. 1987. № 10. С. 219–221.
5. Мор Т. Утопия / пер. с лат. Москва: Наука. 1978. 416 с.
6. Морщихина Л. А. Исследование феномена утопии в современной России: парадигмальный анализ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. №2. С. 46–57.
7. Неретина С.С. Двойственная темпоральность Утопии // Человек. 2021. № 4. С. 109–132.

8. Паниотова Т.С. "Утопия": жизнь после смерти (обзор научной конференции) // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 213–215.
9. Паниотова Т.С., Драч Г.В., Романенко М.А. Возможность невозможного: прошлое, настоящее и будущее сквозь призму антиутопии (обзор третьей научной конференции "Утопические проекты в истории культуры") // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 213–218.
10. Паниотова Т.С., Корневский А.В. (Не)своевременные мысли и суждения о прагматике утопий // Диалог со временем. 2019. № 68. С. 404–413.
11. Свентоховский А. История утопий / С разреш. авт. пер. Е. Загорский. Москва: В.М. Саблин. 1910. 427 с.
12. Сулов М.Д. Утопия как предмет современных исследований на Западе и в России // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. №7 (108). С. 34–41.
13. Черткова Е.А. Специфика утопического сознания и проблема идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 1996. С. 156–188.
14. Шестаков В.П. Утопия как проблема российской ментальности // Международный журнал исследований культуры. 2012. №4 (9). С. 6–9.
15. Jacoby R. Picture Imperfect. Utopian Thought for an Anti-Utopian Age. New York, Columbia University Press. 2005. 211 p.
16. Levitas R. The Imaginary Reconstitution of Society: Utopia as Method // Utopia Method Vision: The Use Value of Social Dreaming / ed. by T. Moylan and R. Baccolini. Oxford, Peter Lang. 2011. Pp. 47–68.
17. Ruyer R. L'utopie et les utopistes. Paris. PUF. 1950. 293 p.

References

1. Ainsa F. Utopia: Alternative models and forms of cultural expression in Latin America. New foundations of utopia "from" and "for" Latin America // *Latinskaya Amerika*. 2012. № 8. pp. 77–88. (In Russ.)
2. Drach G.V. Preface. In: Paniotova T.S. *Worlds of Utopia : selected works* / Edited and foreword by G.V. Drach. Rostov on Don -Taganrog , Southern Federal University Publ. House, 2022. 352 p. (In Russ.)
3. Drach G.V., Paniotova T.S., Romanenko M.A. In search of an ideal locus (review of the scientific conference "Utopian projects in the history of culture") // *Voprosy filosofii*. 2019. No. 6. pp. 214–218. (In Russ.)
4. Maluhin V. Requiem for Utopia // *Znamya*, 1987. № 10. pp. 219–221. (In Russ.)
5. Mor T. Utopia. Moscow: Nauka, 1978. 416 p. (In Russ.)
6. Morshchihina L. A. The study of the phenomenon of utopia in modern Russia: Paradigmatic analysis // *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2017. № 2. pp. 46–57. (In Russ.)
7. Neretina S.S. The dual temporality of Utopia // *Chelovek*, 2021. № 4. pp. 109–132. (In Russ.)
8. Paniotova T.S. "Utopia": life after death (review of the scientific conference) // *Voprosy filosofii*. 2017. No. 11. pp. 213–215. (In Russ.)
9. Paniotova T.S., Drach G.V., Romanenko M.A. The possibility of the impossible: past, present and future through the prism of dystopia (review of the third scientific conference "Utopian projects in the history of culture") // *Voprosy filosofii*. 2021. No. 8. pp. 213–218. (In Russ.)
10. Paniotova T.S., Korenevsky A.V. (Not)timely thoughts and judgments about the pragmatics of utopias // *Dialogue with time*. 2019. No. 68. pp. 404–413. (In Russ.)
11. Sventohovskij A. History of Utopias. Moscow: V.M. Sablin, 1910. 427 p. (In Russ.)
12. Suslov M.D. Utopia as a subject of modern research in the West and in Russia // *Bulletin of the Russian State*

- Humanitarian University. Series: Literary Studies. Linguistics. Culturology. 2013. №7 (108). pp. 34–41. (In Russ.)
13. Chertkova E.A. Specificity of utopian consciousness and the problem of the ideal. In: Ideal, utopia and critical reflection. Moscow: ROSSPEN, 1996. Pp. 156–188. (In Russ.)
 14. Shestakov V.P. Utopia as a problem of the Russian mentality // Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury. 2012. №4 (9). pp. 6–9. (In Russ.)
 15. Jacoby R. Picture Imperfect. Utopian Thought for an Anti-Utopian Age. New York, Columbia University Press. 2005. 211 p.
 16. Levitas R. The Imaginary Reconstitution of Society: Utopia as Method // Utopia Method Vision: The Use Value of Social Dreaming / ed. by T. Moylan and R. Baccolini. Oxford, Peter Lang. 2011. Pp. 47–68.
 17. Ruyer R. L'utopie et les utopistes. Paris. PUF. 1950. 293 p.

*

Поступила в редакцию 27.08.2022